

Усмамбетов Баяман Жунушбекович

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ В ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматривается место некоторых слов, принадлежащих к животноводческой лексике, в словарном составе кыргызского языка, а также анализируются их лексико-семантические группы и особенности. В процессе определения семантики и этимологии некоторых слов помимо материалов древнетюркских языков были использованы источники по этнографии и искусствоведению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 141-144. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

TABOOS AND EUPHEMISMS IN THE HUNTING VOCABULARY OF THE TUVAN LANGUAGE

Suvandii Nadezhda Daryevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tuvan State University
suvandiin@mail.ru

The article examines the use of taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language. According to ancient customs and traditions of the Tuvians there are words - taboos in the speech of hunters which are pronounced differently and their euphemisms. The study of the taboo vocabulary of hunting in Tuvology hasn't been the object of special scientific research so far. Language facts and traditional culture, the history of ancestors-hunters, their views on the world are revealed.

Keywords and phrases: hunting vocabulary; the Tuvan language; taboo language; euphemisms; dialects.

УДК 81

В данной статье рассматривается место некоторых слов, принадлежащих к животноводческой лексике, в словарном составе кыргызского языка, а также анализируются их лексико-семантические группы и особенности. В процессе определения семантики и этимологии некоторых слов помимо материалов древнетюркских языков были использованы источники по этнографии и искусствоведению.

Ключевые слова и фразы: профессиональная лексика; животноводческая лексика; тюркология; семантическая особенность; словарный состав; древнетюркский словарь; родственные языки.

Усмамбетов Баяман Жунушбекович, к. филол. н., доцент
Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева
busmambetov@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ СЛОВ В ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

Кыргызы, как и другие народы, в своей многовековой истории занимались трудовой деятельностью в разных профессиональных сферах, исходя из жизненных реалий. В этом отношении кыргызский язык располагает большим разнообразием профессиональной лексики. Особое место занимает животноводческая лексика кыргызского языка, отличающаяся своей древностью и поистине обширным содержанием. Следовательно, актуальность изучения подобного разнообразия и богатства данного лексического пласта объясняется необходимостью уточнения некоторых проблем истории кыргызского языка, определения закономерностей его развития и, наконец, толкования языковых средств, в которых заложены эмпирические знания и даже целая философская концепция кыргызского народа.

В языкознании профессиональная лексика по сфере употребления делится на две группы: 1) сугубо профессиональная лексика, т.е. так называемая лексика ограниченного употребления. К ней относятся используемые людьми одной профессии или специальности слова и выражения, которые означают специальные понятия, орудия труда и т.п.; 2) общеупотребительная лексика, т.е. слова, использование которых неограниченно. Её составляют слова, являющиеся выражениями наиболее необходимых, жизненно важных понятий. Это костяк общенационального литературного языка, на базе которого происходит дальнейшее совершенствование и обогащение лексики.

Исследование теоретических и практических вопросов профессиональной лексики берёт свои истоки с XVIII века. В это время начинается изучение целого ряда проблем, касающихся данного вопроса: определение понятия «профессиональная лексика», его соотношение с общелитературным языком, место профессиональной лексики в лексической системе языка, основные составляющие профессиональной лексики, взаимодействие общеупотребительной и профессиональной лексики и прочие ключевые вопросы, которые становятся объектами исследований. Например, в плане лексикографии были изданы терминологический словарь В. Бурнашева в двух томах (1843, 1844) и толковый словарь В. И. Даля в четырех томах (1866, 1881, 1982, 1982). Что касается лингвистического анализа собранных материалов по данной лексике, то работа в этом направлении начинается в 50-60-х годах (Е. Н. Толькина, 1954; М. Л. Литвинова, 1955; О. Н. Трубачев, 1963 и др.). В свое время подобного рода исследования дали толчок развитию многих теоретических и практических аспектов общего языкознания.

В области тюркологии одним из первых исследователей вопросов профессиональной лексики был узбекский ученый-языковед С. Ибрагимов (1949, 1950, 1959, 1961). После его фундаментальных трудов были опубликованы результаты научных изысканий относительно профессиональной лексики многих тюркских языков (Г. Дадаханова, 1963; Ш. Баратов, 1971; И. Оторов, 1974; Р. Г. Рахимова, 1983 и др.). Наряду с другими тюркскими языками и в кыргызском языкознании имели место диссертационные работы по данному направлению (Т. Дуйшеналиева, 1969; Н. Назаралиев, 1971; А. Биялиев, 1972; М. Юсупова, 1975; И. Абдувалиев, 1982 и др.). Анализ, а также исследования собранных языковых фактов и материалов в трудах вышеназванных ученых

внесли вклад в развитие кыргызского языкознания. Несмотря на это имеют место малоизученные проблемы касательно сбора и анализа языковых материалов профессиональной лексики кыргызского языка.

Исходя из вышеизложенных обстоятельств, мы остановимся, в частности, на определении семантических особенностей слова *камчы* (плётка) и названий, означающих его составные части.

В животноводстве кыргызского народа *камчой* называется предмет, состоящий из плетеного кожаного ремня, прикрепленного к рукоятке, предназначенный для погона скота и для подстегивания лошади: *Булуттай учкан тору айгыр*, *Бучкакка камчы салганы* (фольк.) – Летящего, словно облако, гнедого жеребца он плетью хлестнул по голени (фольк.) [11, с. 441]. В кыргызском языке слово *камчы* употребляется как основа для множества фразеологических оборотов: *камчыга алуу* – камчы менен сабап жазалоо, камчылап сабоо – хлестать, наказывать плёткой; *кызыл камчы* – аялын кеп сабаган, кин керсетпеген – *мужчина, избивающий жену, жестокий, скорый на расправу*; *камчыга ченеп беліі* – жоодо жеуилген душмандын мал-милкин жеугендерге теу беліп беріі, олжону сйде-ылдыйы жок кылып, так беліштіріі – *делить всем поровну, измеряя камчой*; *камчы салдырбаган* – кашандык кылбаган, жіріші ыкчам, екім (жылкыга карата) – *не требующая понукания, быстрая (о лошади)*; *куу камчы* – кеп урушкан, сабашкан, чыр-чатакты сйген – *любитель ссоры, кулачной расправы*; *чоу камчы* – тар адам – *человек, который использует грубую силу по отношению к другим*; *камчысын чабуу* – биреенін кызыкчылыгын жактаган, аракет кылуу, колдоо – *быть чьим-либо приспешником, прихвостнем*; *камчыга сап болорлук* – ишке жарарлык, колунан бирдеме келерлик – *букв. годный для рукоятки плети, т.е. наиболее сильный, знающий, влиятельный* и т.д. Слово *камчы* состоит из компонентов *кам* и *чы*, начальная форма корня *кам* в древнетюркском языке встречается в форме *гам*, что означало «бить, хлестать» [4, с. 485]. В словаре Махмуда Кашгари данное слово имеет значение, как и в кыргызском языке, *ат камчы* – плетка для лошади [6, с. 727]. Встречается и форма *камчы чачык*. Кроме этого, в словаре имеет место понятие *кылыч камчы* – *букв. плетка меча*, означающее «ножны меча» [Там же]. Например: «*Ол мауа чачыг чырмашды*» – *Ал мага камчы токушту* [7, с. 333] – *Он помог мне плести плетку*. Возможно, слово *чачык* употреблялось по отношению к еще не сплетенной плетке. Несплетенная плетка используется и в настоящее время, на кыргызском языке она называется *чачылуу камчы (несплетенная плетка)*. Что касается названий составных частей плетки, то в кыргызском языке имеются следующие формы выражения: *сап // камчы сап* (рукоять, рукоять плетки). В древнетюркском языке слово *сап* означало «ручка, рукоятка» [4, с. 485]. В кыргызском языке слово *сап* употребляется в ряде случаев, например, *бычактын сабы (рукоятка (ручка) ножа)*, *кірөктін сабы (черенок лопаты)*, *кетмендин сабы (черенок кетменя)* и др. В «Диване» от слова *сап* образовалось слово *саплык (сап + лык)* – нож [6, с. 537], *сибак (сап + ык)* – ручка верхнего камня ручной мельницы [Там же, с. 677]. В кыргызском же языке слово *чабак (сап + ак)* означает спицы, соединяющие кольцо и центр колеса, *сапке//тяпке (сап + ке)* – маленький кетмень (в русском языке употребляется фонетически адаптированный вариант – тьяпка) [1, с. 73]; *Білдірге//білдірік* – в кыргызском языке означает кожаную петлю плетки, надеваемую на запястье: *Колдон тайып кетет деп, кош білдіргі тактырган* – *Чтобы плетка не соскальзывала с руки, двойную петлю на рукоять приплели* (фольк.). В каракалпакском языке встречается данное слово в форме *білдірге*, а в башкирском языке в форме *белдерге*. К. Сейдакматов в своем «Кратком этимологическом словаре» касательно упомянутых выше слов отмечает, что это слово принадлежит к тюркскому языку, а у алтайских народов оно встречается в измененных вариациях, и начальный корень данного слова *билек* – *запястье (предплечье)*, под воздействием метатезы появились варианты <бигел <бегел. Древнетюркская форма *билектирик* потеряла свою первоначальную фонетическую форму [9, с. 70]. Мы полностью присоединяемся к вышеотмеченному мнению, так как слово *білдірге* в кыргызском языке встречается в форме парных слов *бічі – білдірге*. Слово *бічі* как отдельно взятое простое слово означает петлю, пришиваемую к одежде, к подушке, к мешку [11, с. 130]. А в комбинации со словом *білдірге* означает одно и то же. Это парное слово (*бічі – білдірге*) означает кожаную петлю, которая способствует тому, чтобы плетка держалась на запястье руки, даже когда человек не держит плетку за рукоять. А словообразующий аффикс *-га* встречается и в составе других слов: *бектерге* – притороченная к задней части седла поклажа, *канжыга* – торока, *токулга* – верховая сбруя: седло, потник, седельные пуки и др. Этот аффикс встречается в составе слов, которые входят в активную лексику кыргызского языка, например, *жасалга* – украшение: 1) украшать, разные предметы для украшения и декорации; 2) вид, который придает настроение торжественности, художественности, возвышенности. Относительно данного аффикса К. Сейдакматов отмечает следующее: «Тюркский глагол *жаса (делать)* в монгольском языке имеет форму *заса*, следовательно, это слово относится к общей лексике тюркских и монгольского языков. К слову *заса* в монгольском языке присоединяется словообразовательный аффикс *-л* и в результате образуется слово *засал*, имеющее в кыргызском языке форму *жасалга (украшение)*. Подобные языковые процессы существуют и в кыргызском языке. Например, с помощью аффикса *-л* от глаголов образуются имена существительные: *болжо – болжол (предполагать – предположение)*, *жырга – жыргал (блаженствовать – блаженство)*, *куура – куурал (страдать, иссыхать – тяготы, страдания)*. Что касается слова *жасалга*, то образование данного слова связано с двумя аффиксами, т.е. после *-л* присоединяется и аффикс *-га*, но это не один и тот же процесс, когда образуются такие слова, как *табылга, токулга*. В этом случае в словообразовательном процессе участвует аффикс *-лга*. Аффикс *-га* участвует в таких моделях словообразования, как (<тут-ка) «ручка» и т.д.» [9, с. 133].

Білдіркен (ежевика) относится к многозначным словам, прямое значение – ежевика. В плане метафоры – конец плетки, связанный в узел, становится похожим на ежевику, и поэтому относительно такого узла в кыргызском языке используется слово *білдіркен (ежевика)*.

Алакан // камчы алаканы // жаак (ладонь, ладонь плетки, щеки) – часть плетки, сделанная из кожи, соединяющая плетеный ремень с рукоятью и образно по форме напоминающая человеческую ладонь. Что касается образования данного слова, то некоторые тюркологи связывают его со словом *ал* в чувашском языке – рука («*ал + а + кан* чув. *ал* «рука»»), в кыргызском же языке это слово образовано соединением корня *ал* с аффиксом *-ган* и означает *ладонь* [5, с. 90]. Очевидно, и слово *жаак* используется в плане метафоры относительно составных частей плетки, в прямом смысле *жаак* означает в кыргызском языке *челюсть, щеки*. Алакан издревле делается из слоеной черной кожи: *Кара жаак булдурсун, Кармай калып имерди* (фольк.). Словом *жаак* (щеки) в кыргызском языке называется составная часть конского снаряжения, которая связывает с двух сторон конскую сбрую и уздечку [2, с. 37]. Например, *Тизгиндин жаагын тетири жолго ие тартып, жауылып кетти* – Он ошибся, когда потянул уздечку не с той стороны.

Тийкин – плетеная часть кнута. В кыргызском языке означает еще узел на конце плетки [10, с. 634]. Например, *Кой башындай коргошун, кошо тийген тийкинге* (фольк.) – Свинец величиной с овечью голову он вплёл в конец плети. Образование данного слова связано с глаголом **тйш**, который на русском языке означает спуститься, спускаться. К слову **тйш** присоединяется аффикс *-кын*, с помощью которого в кыргызском языке происходят именные словообразовательные процессы.

Тізгін – узел, связанный для того, чтобы не распустилась плетеная часть нагайки [3, с. 90]. Слово *тйз* – измененная форма слова *тйз*, которое означает нанизывать, выстраивать, вставлять в ряд. Отсюда и слово *тйзгин* (уздечка), таким образом, это дает нам право считать слова *тйзгін* и *тйзгин* однокоренными.

В кыргызском языке относительно видов плетки существует ряд названий. Например, **Булдурсун/элик сап камчы (плеть, нагайка/плеть, рукоять которой сделана из конечностей козули)**. Данное слово в Толковом словаре кыргызского языка объясняется как большая нагайка эпических героев [10, с. 118]. В настоящее время это слово применяется к плетке, сделанной для девушек и молодых, с рукоятью из конечностей козули. В северном диалекте кыргызского языка есть синоним – *мырза камчы* (букв. *плетка господина*) [8, с. 701]. Другое название этой плетки известно как *элик сап камчы* (плеть, рукоять которой сделана из конечностей козули). Слово *булдурсун* в кыргызском языке семантически связано со словами «жулкуу, булкуп алуу» (вырвать, выдернуть). В древние времена в узел плети вставляли свинец для того, чтобы использовать его в качестве холодного оружия: *Камчы учуна чок койгон тийкинине караандын элиге ченеп ок койгон, кайкалаткан булдурсун* (фольк.) – На рукояти горящий уголь, а в узел плети вставлены пули, гроза для врагов *булдурсун* (фольк.) [11, с. 106]. Что касается *элик сап камчы*, то это название имеет метонимическое происхождение, т.е. *рукоять нагайки сделана из конечностей козули*. **Тикме камчы** (букв. *обшитая плетка*) – плетка, обшитая кожей.

Шалдырак (букв. *погремушка*) – игрушечная плетка для детей, издающая характерный звук. Данное слово состоит из двух компонентов: *шылдыр + ак*. В конце плетки вставлялись железные элементы, чтобы они издавали звуки. Поэтому можно утверждать, что это слово образовалось от подражательного слова *шылдыр*.

Мырза камчы (плетка господина) – рукоять этой плетки делается из рога. В северном диалекте кыргызского языка встречается название *элик сап камчы* [8, с. 437].

Шапалак – длинный кнут для погона скота во время пашни или для понукания лошади, запряженной в телегу. В южном диалекте кыргызского языка существует синоним *арабакеч* (эрэбэкеш) *камчы* (кнут извозчика) [Там же, с. 23]. В фольклорных произведениях такой вид кнута встречается как *кара алакан камчы*. Корень слова *шапалак* (*шан*) – подражательное слово в кыргызском языке.

Соп камчы – длинный кнут для понукания быков. **Табылгы сап камчы** – кнут с рукоятью, сделанной из таволги, спиреи. Касательно этимологии слова *таволга* (кустарник с очень крепкой древесиной темно-красного цвета) К. Сейдакматов отмечает следующее: «В монгольском языке существуют слова *табылгана* и *табылга*, которые означают два разных вида спиреи. Это слово в древнетюркском языке употреблялось в формах *табылгу* и *табылку*. Слово *табылгы* состоит из корня *табыл* и аффикса *-гы*: корень *табыл* близок по звучанию и смыслу к слову *тамылжы* в современном кыргызском языке (раскраснеться, раздуматься)» [9, с. 211]. Возможно, это связано с темно-красным цветом данного кустарникового растения, которое отличается своей твердостью и используется для изготовления рукояти кнута.

Итак, нами рассмотрены семантические особенности тринадцати слов, обозначающих составные части и виды плетки. Среди этих слов такие слова, как *бйлдйркен, жаак, тйзгін, тийкин, тикме камчы*, не включены в лексический фонд толковых словарей кыргызского языка. В связи с этим можно еще раз подчеркнуть актуальность подобных исследований, направленных на изучение лексических ресурсов кыргызского литературного языка.

Список литературы

1. Абрамзон С. М. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чычкан. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 323 с.
2. Акматалиев А. Мастерницы и мастера. Фрунзе: Адабият, 1990. 201 с.
3. Акматалиев А. Нестареющее достояние кыргызского народа. Бишкек: Шам, 2000. 348 с.
4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 576 с.
5. Дыйканов К. Из истории кыргызского языка. Фрунзе: Мектеп, 1980. 154 с.
6. Махмуд Кашгари. Словарь тюркских языков / перевод на кырг. Т. Токоев, К. Кошмоков. Бишкек, 2011. Т. 1. 906 с.
7. Махмуд Кашгари. Словарь тюркских языков / перевод на кырг. Т. Токоев, К. Кошмоков. Бишкек, 2012. Т. 2. 591 с.
8. Муканбаев Ж. Диалектологический словарь кыргызского языка. Фрунзе: Илим, 1972. 712 с.
9. Сейдакматов К. Краткий этимологический словарь кыргызского языка. Фрунзе: Илим, 1988. 332 с.
10. Толковый словарь кыргызского языка. Фрунзе: Мектеп, 1969. 778 с.
11. Толковый словарь кыргызского языка. Фрунзе: Мектеп, 1984. 622 с.

LEXICO-SEMANTIC PECULIARITIES OF THE CERTAIN WORDS IN THE CATTLE-BREEDING VOCABULARY OF THE KYRGYZ LANGUAGE

Usmambetov Bayaman Zhunushbekovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bishkek Humanities University named after K. Karasaev
busembetov@mail.ru

The article examines the place of the certain words belonging to the cattle-breeding vocabulary in the Kyrgyz language vocabulary and analyzes their lexico-semantic groups and peculiarities. While identifying the semantics and etymology of the certain words the author along with the materials of the ancient Turkic languages also used the sources on ethnography and art criticism.

Key words and phrases: professional vocabulary; cattle-breeding vocabulary; Turkic studies; semantic peculiarity; vocabulary; ancient Turkic vocabulary; related languages.

УДК 81

В статье рассматривается особая семантическая разновидность отрицательных предложений – обобщенное отрицание, имеющее специфические средства своего выражения в разноструктурных – английском и русском – языках. Проводится сопоставительный структурно-семантический анализ обобщенноотрицательных предложений в двух указанных языках. На основе принятого в работе классификационного принципа выявляются структурные модели предложений с обобщенным отрицанием, доказывается, что универсальная модель отрицания, свойственная обоим языкам, свидетельствует о «негерметичности» границ между двумя типологическими разновидностями отрицания.

Ключевые слова и фразы: отрицание; отрицательное предложение; концепция отрицания; необобщенное отрицание; обобщенное отрицание; не-ассертивный член предложения; отрицательный член предложения; семантико-синтаксическая классификация.

Файрузова Анжела Расулевна, к. филол. н.
Уфимский государственный нефтяной технический университет
angela.fayruzova@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБОБЩЕННОГО ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование проблемы отрицания и средств его выражения в силу своей специфики всегда представляло для ученых не только интерес, но и большие трудности. Несмотря на немалое количество работ, посвященных анализу отрицательных конструкций, их структурно-семантический потенциал по-прежнему остается недостаточно исследованным.

В существующей практике анализа отрицательных предложений преобладает рассмотрение общетеоретических вопросов на материале частных языков, без попыток установления системных отношений, осмысления причинно-следственных зависимостей, а также выявления черт сходства и различия в системах отрицания, свойственных тем или иным языкам. Наблюдаемый в научной литературе атомарный подход к интерпретации материала не дает убедительных ответов на многие вопросы, касающиеся природы исследуемых средств выражения отрицания, не всегда учитывает связь отрицания с окружающими языковыми единицами, семантической структурой предложения. Кроме того, до сих пор остается дискуссионным вопрос о классификации отрицательных предложений, которая могла бы быть применена к различным языкам. В связи с этим в данной работе основное внимание уделяется сопоставительному анализу отрицательных конструкций в системе таких разноструктурных языков, как английский и русский.

Специальное исследование, проведенное Т. П. Нехорошковой на историческом материале латинского и французского языков, показало, что система отрицания включает в себя две устойчивые семантические разновидности, отличающиеся друг от друга объемом включенных в сферу отрицания актантов и/или сирконстантов действия. Наличие или отсутствие в предложении семантически обобщающих языковых единиц (отрицательных и/или неопределенных местоимений и наречий) выступает главным критерием разграничения так называемого обобщенного и необобщенного типов отрицания соответственно. Специфика семантики отрицательных местоимений и наречий заключается в обобщении ими всей суммы актантов или сирконстантов, входящих в сферу действия отрицания. Следовательно, данная разновидность отрицательных предложений – обобщенное отрицание – отличается максимальной степенью смыслового объема отрицания. Особенности оформления названных типов отрицательных предложений лежат в основе разделения языков на поли- и монологативные [4].

Приняв за основу данную концепцию, на материале английского и русского языков нами было выявлено, что в этих двух разноструктурных языках также выделяются две семантические разновидности отрицания: необобщенное и обобщенное отрицание, – имеющие свои формальные средства выражения: отрицательные частицы *not* и *ne*, с одной стороны, и негативные/не-ассертивные местоимения обобщающего характера – с другой.

В данной статье нашей задачей является рассмотреть структурные модели обобщенного отрицания в монологативном английском в отличие от полинегативного русского языка на основе данных и выводов,